

ОКтябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ, РОМАНЫ,
РАССКАЗЫ

МИХ. ШОЛОХОВ

Я. ШВЕДОВ

А. РУТЬКО

Г. ДАЛЬНИЙ

ЖИЗНЬ НА ХОДУ

Л. ЛУХМАНОВ

М. ЮРИН

ПЕРЕЖИТОЕ

З. РИХТЕР

ПУБЛИЦИСТИКА

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

КРИТИКА

М. ЧАРНЫЙ

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. ПЛИСКО

М. РИТМАН

А. КОРТУНОВА

М. КОТОВ

К Н И Г А С Е Д Ь М А Я

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1

9

3

2

„ОКТАБРЬ“ 1932 г.

№ 1

Стр. 190.

В. Луговской — Интернационал, стих. М. Шолохов — Тихий Дон, роман. В. Ставский — Зарницы (3 книга „Станицы“), В. Луговской — Пудинг безработных, стих. Н. Ляшко — Рассказы. ЖИЗНЬ НА ХОДУ: Г. Киш — Германия сегодня. З. Чаган — Усилия (главы из книги „О Магнитострое“). В. Шуликов — Мечтатели и мастера. ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ: Ф. Панферов — Говорите голосом книг. А. Сурков — Через творческое размежевание к подлинной консолидации. ПУБЛИЦИСТИКА: Д. Заславский — Спекуляция на плане. И. Ерухимович — Изобличающий документ. КРИТИКА: Л. Авербах — За ленинскую партийность творческого метода. Н. Плиско — О „Разбеге“ В. Ставского.

№ 3.

Стр. 190.

М. Шолохов — Тихий Дон, роман (продолжение). А. Сурков — Застава Ильича, стих. Вилли Бредель — Улица Розенгоф (отрывки из романа). Вл. Луговской — Вахшстрой, стих. Вас. Кудашев — Камень на дороге, роман. Евг. Павличенко — Северный поход, стих. ЖИЗНЬ НА ХОДУ: Г. Киш — Карьера Адольфа Гитлера (продолжение) М. Запрудный — Лесорубы. Ив. Семенов. Мистер Томас (глава из книги „Записки автогенщика“). В. Хандрос — В стране мирабилита. В. Шуликов — Мечтатели и мастера (окончание). ПЕРЕЖИТОЕ: Ф. Федотов — Фирма „Да-Шен-Ку“. ПУБЛИЦИСТИКА: Мих. Попов — Одна из великих побед техники. КРИТИКА: С. Нельс — „Последний из удэге“ — А. Фадеева. БИБЛИОГРАФИЯ: А. Михайлов — М. Добрынин — Против механистов и эклектиков. Б. Бакинский — В. Каверин — „Художник неизвестен“. С. М-с — Эмиль Мадарас — „Борьба Павла Чигаиды“.

№ 3.

Стр. 190.

Мих. Шолохов — Тихий Дон, роман (продолжение). В. Ставский — Зарницы (продолжение). А. Гидаш — Моряки, стих. В. Кудашев — Камень на дороге, роман (продолжение). Э. Х. Вафа — Дорого обошедшийся урок, стих. Б. Левин — Возвращение, рассказ. Вл. Резчиков — Груз, стих. М. Киреев — Думай, сосед, рассказ. М. Исаковский — Разговор с лошадью, стих. Ю. и В. Кртянц-Ивлиевы — Из мотивов токаря, стих. ЖИЗНЬ НА ХОДУ: Г. Киш — Карьера Адольфа Гитлера (продолжение). В. Хандрос — В стране мирабилита, очерк. А. Бобунов — Летчики, очерк. Ф. Федотов — Небесные собаки, очерк. Гарт Свит. — Пища для души, очерк. КРИТИКА: И. Нович — Заметки о „Нашгороде“. Горбатова — Е. Злотова — Война лабораторий. БИБЛИОГРАФИЯ: Б. Другов — „Рейд Черного Жука“ — И. Макарова. С. М-с — „Крепче стали“. Л. Шипилин. С. М-с — „О чем рассказал Григорьев“ — М. Вейс. Г. К. — „Тайбола“ — Ал. Зуева.

№ 4

Стр. 190

Мих. Шолохов — Тихий Дон, роман (продолжение). В. Кудашев — Камень на дороге, роман (продолжение). С. Леонов — Последний подарок (из книги новелл). С. Щипачев — Эжен Потье, стих. Эс-Хабиб-Рафа — Индусенки негодуют, стих. М. Зотов — Старый закат, рассказ. ПЕРЕЖИТОЕ: Ф. Фред — „Форду безразлично“. ПУБЛИЦИСТИКА: П. Юдин — Борьба на два фронта в философии и гегелевская диалектика. И. Разин — Сумерках буржуазной культуры. КРИТИКА: Г. Лукач — Чем является для нас Гете. А. Серафимович — Живой завод. А. Селивановский — О ведущей оси пролетарской литературы. А. Митрофанов — За высокую художественность. М. Платошкин — На правильном пути. В. Ставский — Книга о борьбе за социализм. Д. Мазнин — „Нашгород“ и его апологет. И. Нович. БИБЛИОГРАФИЯ: Б. Другов. — В. Перцов — „Писатель на производстве“. И. Павлов — Ал. Яковлев — „Ударный сокол“ Г. К. — „Америка граничит с нами“ Ю. Галкин — Фраерман — „Васька Гиляк“.

№ 5-6

Стр. 263

Я. Шведов — Понски отечества, повесть. Вл. Луговской — Учитель, стих. В. Кудашев — Камень на дороге, роман (продолжение). Борис Ручьев — Песня, стих. Григорий Дальний — Срок, повесть. А. Эрлих — Соперники, рассказ. Чарльз Гаррисон — Ребенек родился (отрывки из романа). ЖИЗНЬ НА ХОДУ: Г. Киш — Карьера Адольфа Гитлера. Борис Горбатов — Горный поход, очерки. Вит. Уваров — Две силы, очерк. ПУБЛИЦИСТИКА: Г. Васильевский — Химия + советская власть. КРИТИКА: И. Разин — К новым победам. И. Нович — О „Ведущей оси“ и задачах пролетарской литературы. Г. Колесникова — Два романа о классовой борьбе. БИБЛИОГРАФИЯ: С. М-с — Альманах „Вчера и сегодня“. И. Тверской — Чекменев — „Сектанты“.

ОКтябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

К Н И Г А
С Е Д Ь М А Я
И Ю Л Ь

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

13-я
тип. Мособлполиграф
Б. Дмитровка, 26
Статф. В—176×250.11¹/₂ п. л.
64.00 эк. в п. л.
Вак 2463 Тираж 16.000.
Сдан в набор 2/VII-1932 г
подпис. к печ. 13/VII-32 г
Уполн. главного В—21818
Тех. ред. Г. Федорова

АДРЕС РЕДАКЦИИ; МОСКВА, ул. Воровского, 50, тел. 5-13-90

ТИХИЙ - ДОН

Р О М А Н

МИХ. ШОЛОХОВ

(Продолжение)

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

LVI

Двадцать пять коммунистов, выданных повстанцам Сердобским полком, под усиленным конвоем выступили из Усть-Хоперской. О побеге нельзя было и думать. Иван Алексеевич, хромя в середине толпы пленных, с тоскою и ненавистью оглядывал окаменевшие в злобе лица казаков-конвоиров, думал: «Наведут нас концы! Если не будет суда — пропадем!»

Среди конвоиров преобладали бородачи. Командовал ими старик-старовер, вахмистр Атаманского полка. С самого начала, как только вышли из Усть-Хоперской, он приказал пленным не разговаривать, не курить, не обращаться с вопсами к конвоирам.

— Молитвы читайте, анчихристовы слуги! На смерть идете, нечево грешить в остатные часы! У-у-у, дьяволы вы б...! Забыли бога! Предались нечистому! Заклеймились вражьем клеймом! — и поднимал наган-самовзвод, либо теребил надетый на шею витой револьверный шнур.

Среди пленных было лишь двое коммунистов из состава Сердобского полка, остальные, за исключением Ивана Алексеевича, все иногородние станицы Еланской, рослые и здоровые ребята, вступившие в партию с момента прихода в станицу советских войск, служившие милиционерами, председателями хуторских ревкомов, после восстания бежавшие в Усть-Хоперскую и влившиеся в Сердобский полк.

В прошлом почти все они были ремесленники: плотники, столяры, бондари, каменщики, печники, сапожники, портные. Старшему из них казалось на

вид не более тридцати пяти, самому молодому — лет двадцать. Плотные, красивые здоровяки, с крупными руками, раздавленными тяжелым физическим трудом, широкоплечие и грудастые, по внешнему виду они резко отличались от сгорбленных стариков-конвоиров.

— Судить нас будут, как думаешь? — шепнул шагавший рядом с Иваном Алексеевичем один из еланских коммунистов.

— Едва ли...

— Побьют?

— Должно быть.

— Да ведь у них же нет расстрелов! Казаки так говорили, помнишь?

Иван Алексеевич промолчал, но и у него искрой на ветру схватилась надежда: «А ить верно! Им нас нельзя будет расстрелять. У них, у сволочей, лозунг был выкинутый: «Долой коммуны, грабежи и расстрелы!» Они, по слухам, только на каторгу осуждали... Осудят к розгам, к каторге. Ну, да это не страшно! На каторге посидим до зимы, а зимою, как только Дон станет, наши опять их нажмут!»

Вспыхнула была надежда и погасла, как искра на ветру: «Нет, побьют! Озлели, как черти! Прощай, жизнь! Эх, не так бы надо! Воевал с ними и их же жалел сердцем... Не жалеть надо было, а бить и вырубать все до корня!» — он стиснул кулаки, зашевелил в бессильной ярости плечами и тотчас же споткнулся, чуть не упал от удара сзади в голову:

— Ты чево кулачья сучишь, волчий блуд? Ты чево, спрашиваю, кулачья сучишь?.. — затремел, наезжая на него конем, вахмистр, начальник конвоя.

Он ударил Ивана Алексеевича еще раз плетью, рассек ему лицо наискось от надбровной кости до крутого с ямочкой посредине подбородка.

— Кого бьешь? Меня ударь, папаша! Меня! Он же раненый, за что ты его? — с просящей улыбкой, с дрожью в голосе крикнул один из еланцев и, шагнув из толпы, выставил вперед крутую плотницкую грудь, заслонив Ивана Алексеевича.

— И тебе хватит! Бейте их, станишники! Бей коммунов!

Плеть с такой силой разрубила защитную летнюю рубашу на плече еланца, что лоскутья свернулись — как листья, припаленные огнем.

Омочив их, из раны из стремительно вздувшегося рубца потекла черная убойная кровь...

Вахмистр, задыхаясь от злобы, топчя коном пленных, врзался в гуцу толпы, начал нещадно работать плетью...

Еще один удар обрушился на Ивана Алексеевича. В глазах его багряные сверкнули зарницы, качнулась земля и словно бы наклонился зеленый лес, опущиной покрывавший противоположное песчаное левобережье.

Иван Алексеевич схватился своей масляковой рукой за стремя, хотел рвануть с седла озверевшего вахмистра, но удар тупиком шашки опрокинул его на землю, в рот поползла удушливая, ворсистая, пресная пыль, из носа и ушей, обжигая, хлестанула кровь...

Конвойные били их, согнав в кучу, как овец, били долго и жестоко. Будто сквозь сон слышал лежавший на дороге ничком Иван Алексеевич глухие вскрики, гулкий топот ног вокруг себя, бешеное всхрапывание лошадей. Клуб теплой лошадиной пены упал ему на обнаженную голову и почти сейчас же где-то очень близко, над самой его головой, прозвучало короткое и страшное мужское рыдание, крик:

— Сволочи! В бога-мать! Безоружных бьете! У-у-у...

На раненую ногу Ивана Алексеевича наступила лошадь, тупые шипы подковы вдавились в мягкость голени, вверху зазвучали гулкие и быстро чередующиеся звуки ударов... Минута — и грузное, мокрое тело, остро пахнущее горьким по-

том и солонцеватым запахом крови, рухнуло рядом с Иваном Алексеевичем. Тот, еще окончательно не потеряв сознание, услышал: из горла упавшего человека, как из горлышка опрокинутой бутылки, забулькала кровь...

А потом их толпою согнали в Дон, заставили обмыть кровь. Стоя по колени в воде, Иван Алексеевич мочил жарко горевшие раны и опухоли от побоев, разгребал ладонью смешанную со своей же кровью воду, жадно пил ее, боясь что не успеет утолить неутишно вспыхавшую жажду.

По дороге их обогнал верховой казак. Темногнедая лошадь его, по-весеннему ярко лоснившаяся от сытости и пота, шла шибкой, игристой рысью. Верховой скрылся в хуторе, и не успели пленные дойти до первых базов, как им навстречу уже высыпали толпы народа.

При первом взгляде на бежавших встретить их казаков и баб Иван Алексеевич понял, что это — смерть. Поняли и все остальные.

— Товарищи! Давайте попросимся! — крикнул один из коммунистов-сердобцев.

Толпа, вооруженная вилами, мотыгами, кольями, железными ребрами от арб, приближалась...

Дальше было все, как в тягчайшем сне. Тридцать верст шли по сплошным хуторам, встречаемые на каждом хуторе толпами истязателей. Старики, бабы, подростки били, плевали в опухшие, залитые кровью и кровоподтеками лица пленных коммунистов, бросали камни и комки сохлой земли, засыпали затплывшие от побоев глаза пылью и золой. Особенно свирепствовали бабы, изощряясь в самых жесточайших пытках. Двадцать пять обреченных шли сквозь строй. Под конец они уже стали неузнаваемыми, непохожими на людей, так чудовищно обезображены были их тела и лица, иссиня-кровоно-черные, распухшие, изуродованные и вымазанные в смешанную с кровью грязь.

Первоначально каждый из двадцати пяти норвил подальше итти от конвойных, чтобы меньше доставалось ударов; каждый старался попасть в середину своих смешанных рядов, от этого двигались плотно сбитой толпой. Но их по-

стоянно разделяли, расталкивали. И они потеряли надежду хоть в какой бы то ни было мере сохранить себя от побоев, шли уже враздробь, и у каждого было лишь одно мучительное желание: превозмочь себя, не упасть, ибо упавший встать уже не смог бы. Ими овладевало безразличие. А сначала каждый закрывал лицо и голову руками, беззащитно поднимая ладони к глазам, когда перед самыми зрачками синие вспыхивали железные жала вил-тройчаток или тускло посверкивала тупая белесая концевина кола. Вначале из толпы избиваемых пленных слышались и мольбы о пощаде, и стоны, и ругательства, и нутряной животный рев нестерпимой боли, но к полудню все молчали, лишь один из еланцев, самый молодой, балагур и любимец роты в прошлом, ойкал, когда на голову его опрокидывался удар. Он и шел-то будто по горячему, приплясывая, дергаясь всем телом, волоча перебитую жердью ногу.

Иван Алексеевич, после того как обмылся в Дону, подтвердел духом, завидя бежавших встречь им казаков и баб, наспех попрощался с ближним из товарищей, вполголоса сказал:

— Што же, братцы умели мы воевать, надо суметь и помереть с гордостью... Об одном мы должны помнить до последнего выдоха, одна нам остается мысленная утеха, что хотя нас и уколотят, но ить советскую власть колом не убьешь! Коммунисты! Братцы! Попрямте твердо, штобы враги над нами не надсмехались!

Один из еланцев не выдержал, когда на хуторе Бобровском его начали умело и жестоко бить старики, он закричал дурным, мальчишеским криком, разорвал ворот гимнастерки, стал показывать казакам, бабам висевший у него на шее, на черной от грязи и пота гайтане, маленький натальный крестик.

— Товарищи! Я недавно вступил в партию!.. Пожалейте! Я в бога верую!.. У меня двое детишек!.. Смилуйтесь! У вас тоже дети есть!..

— Какие мы тебе — «товарищи»! Цыц!

— Детей вспомнил, идолов гад? Крест вынул? Вдохнулся? А наших, небось, расстреливал, казнил, про бога не вспо-

минал? — с придыханием спросил у него два раза ударивший его курносый старик с серьгой в ухе. И, не дождав-шись ответа, снова размахнулся, целя в голову.

Кусочки того, что воспринимали глаза, уши, сознание, все это шло мимо Ивана Алексеевича, внимание его ни на чем не задерживалось. Словно камнем оделось сердце и дрогнуло оно един-ственный раз: в полдень вошли они в хутор Тюковновский, пошли по улице сквозь строй, осыпаемые проклятиями и ударами. И вот тут-то Иван Алексеевич, глянув искоса в сторону, увидел, как мальчишка лет семи вцепился в подол своей матери и со слезами, градом сыпнувшими по искажившимся щекам, с визгом истошно закричал:

— Маманя! Не бей ево! Ой, не бей!.. Мне жалко! Боюсь! На нем кровь!..

Баба, замахнувшаяся колом на одного из еланцев, вдруг вскрикнула, бросила кол, ухватив мальчонка на руки, опро-метью кинулась в проулок. И у Ивана Алексеевича, тронутого детским плачем, ребячьей, волнующей жалостью, навернулась непрошенная слеза, посолила разбитые спекшиеся губы. Он коротко всхлипнул, вспомняв своего сынишку, жену, и от этого вспыхнувшего, как молния воспоминания, родилось нетерпели-вое желание — «Только бы не на ихних глазах убили! И... поскорее...»

Шли, еле волоча ноги, раскачиваясь от усталости и распиравшей суставы боли. На выгоне за хутором, увидев степной колодезь, стали упрашивать начальника конвоя, чтобы разрешил напиться.

— Нечего распивать! И так припозд-нились! Ходу! — крикнул было вахмистр.

Но за пленными вступился один за стариков-конвоиров:

— Поимей сердце, Аким Сазоныч! Они ить тоже люди.

— Какие-такие люди? Коммунисты — не люди! И ты меня не учи! Я над ними начальник али ты?

— Много вас, таковских начальников-то! Иди, ребятки, пей! — Старичишка спешился, зачерпнул в колодезе цыбарку воды.

Его обступили пленные, к цыбарке потянулось сразу двадцать пять пар рук, обуглившиеся, отекие глаза загоре-

лись, зазвучал хриплый, прерывистый шопот:

— Дай мне, бабушка!

— Хоть немножко!..

— Глоток бы..

— Товарищи, не все доразу!

Старик заколебался, кому же дать первому. Помедлив несколько томительных секунд, он вылил воду в скотское долбленое корыто, врытое в землю, отошел, крикнул:

— Што вы, как быки лезете! По порядку пейте!

Вода, растекаясь по зелено-замшелому, зелесневелому днищу корыта, устремилась в накаленный солнцем, пахнущий сырой древесиной угол. Пленные из последних сил бросились к корыту. Старик раз за разом почерпнул одиннадцать цыбарок, хмураясь от жалости, поглядывая на пленных, наполнил корыто.

Иван Алексеевич напился, стоя на коленях, и, подняв освеженную голову, увидал с предельной, почти осязательной яркостью: изморозно-белый покров известняковой пыли на придонской дороге, голубым видением вставшие вдали отроги меловых гор, а над ними над текучим стременем гребнистого Дона, в неохватной величавой синеве небес, в недоступнейшей вышине облачко. Окрыленное ветром, с искрящимся, белым, как парус надвершием, оно стремительно плыло на север, и в далекой излучине Дона, отражалась его опаловая тень.

LVII

На секретном совещании верховного командования повстанческими силами решено было просить донское правительство, атамана Богаевского, о помощи.

Кудинову было поручено написать письмо с изъяснением раскаяния и сожаления о том, что в конце 1918 г. верхнедонцы пошли на переговоры с красными, бросили фронт. Письмо Кудинов написал от имени всего восставшего казачества Верхнего Дона, он давал обещание в дальнейшем стойко, до победного конца, сражаться с большевиками, просил помочь повстанцам переброской на аэропланах через фронт кадровых офицеров для руководства частями и винтовочных патронов.

Петр Богатырев остался на Сингином, переехал в Вешенскую, летчик отправился обратно с кудиновским письмом в Новочеркасск.

С того дня между донским правительством и повстанческим командованием установилась тесная связь. Почти ежедневно стали прилетать из-за Донца новехонькие, выпущенные французскими заводами аэропланы, доставлявшие офицеров, винтовочные патроны и в значительном количестве снаряды для трехдюймовых орудий. Летчики привозили письма от верхнедонских казаков, отступивших с донской армией, из Вешенской везли за Донец казакам ответы родных.

Сообразуясь с положением на фронте, со своими стратегическими планами, новый командующий донской армией, генерал Сидорин, начал присылать Кудинову разработанные штабом планы операций, приказы, сводки, информации о перебрасываемых на повстанческий фронт красноармейских частях.

Кудинов только несколько человек избранных посвящал в переписку с Сидориным, от остальных все это держалось в строжайшем секрете.

LVIII

Пленных пригнали в Татарский часов в пять дня. Уже близки были быстротечные весенние сумерки; уже сходило к закату солнце, касаясь пылающим диском края распростертой на западе лохматой и сизой тучи.

На улице в тени огромного общественного амбара сидела и стояла пешая сотня татарцев. Их перебросили на правую сторону Дона, на помощь еланским сотням, с трудом удерживавших натиск мироновской конницы, и татарцы, по пути на позиции, всюю сотню зашли в хутор, чтобы проведать родных и поджиться харчишками.

Им в этот день надо было выходить, но они прослышали о том, что в Вешенскую гонят пленных коммунистов, среди которых находится и Мишка Кошевой с Иваном Алексеевичем, что пленные вот-вот должны прибыть в Татарский, а поэтому и решили подождать. Особенно настаивали на встрече с Кошевым и Иваном Алексеевичем казаки, доводившиеся роднею убитым в первом бою, вместе с Петром Мелеховым.

Татарцы, вяло переговариваясь, прислонив к стене амбара винтовки, сидели и стояли, курили, лузгали семечки, их окружали бабы, старик и детвора. Весь хутор высыпал на улицу, а с крыш куреней ребятишки неустанно наблюдали. не гонят ли?

И вот ребячий голос заверещал:

— Показались! Гонют!

Торопливо поднялись служивые, затомашился народ, взметнулся глухой гул оживившегося говора, затопотали ноги бежавших навстречу пленным ребятишек. Вдова Алешки Шамиля, под ювежим впечатлением еще неутихшего горя, кликушески заголосила...

— Гонют врагов! — басисто сказал один из стариков.

— Побить их чертей! Чево вы смотрите, казаки!?

— На суд их!

— Наших исказнили!

— На шворку Кошевова с его дружкой!

Дарья Мелехова стояла в толпе, рядом с Аникушкиной женой. Она первая угадала Ивана Алексеевича в подходившей толпе страшно избитых пленных.

— Вашего хуторца пригнали! — По красуйтесь на нево, на сукинова сына! Похристуейтесь с ним! — покрываясь свирепо усиливающийся, дробный говор, бабьи крики и плач, захрипел вахмистр — начальник конвоя и протянул руку, указывая с коня на Ивана Алексеевича.

— А другой где? Кошевой Мишка где? — Антип Брехович полез сквозь толпу, на ходу снимая с плеча винтовочный погон, задевая людей прикладом и штыком болтающейся винтовки.

— Один ваш хуторец, окромя не было. Да по куску на человека и этова хватит растянуть... — говорил вахмистр-конвоир, сгребая красной утиркой обильный пот со лба, тяжело перенося ногу через седельную луку.

Бабы взвизгиванья и крик, нарастая, достигли предела напряжения. Дарья пробилась к конвойным и в нескольких шагах от себя, за мокрым крупом лошади конвоира увидела зачугуневшее от побоев лицо Ивана Алексеевича. Чудовищно распухшая голова его со слипшимися в сохлой крови волосами, была

вышиной с торчмя поставленное ведро Кожа на лбу вздулась и потрескалась, щеки багрово лоснились, а на самой макушке головы, покрытой студенистым месивом, лежали шерстяные перчатки. Он, как видно, положил их на голову, стараясь прикрыть сплошную рану от жалющих лучей солнца, от мух и кишевшей в воздухе мошканы. Перчатки присохли к ране, да так и остались на голове...

Он затравленно озирался, разыскивая и боясь найти взглядом жену или своего маленького сынишку, хотел обратиться к кому-нибудь с просьбой, чтобы их увели отсюда, если они тут. Он уже понял, что дальше Татарского ему не уйти, что здесь он умрет, и не хотел чтобы родные видели его смерть, а самую смерть ждал со все возрастающим жадным нетерпением. Ссутулясь, медленно и трудно поворачивая голову, обводил он взглядом знакомые лица хуторян и ни в одном встречном взгляде не прочитал сожаления или сочувствия, исподлобны и люты были взгляды казаков и баб.

Защитная, вылинявшая рубашка его топорщилась, шуршала при каждом повороте. Вся она была в бурых потоках стекавшей крови, в крови были и ватные, стеганые красноармейские штаны и бо-сье крупные ноги, с плоскими ступнями и искривленными пальцами.

Дарья стояла против него. Задыхаясь от подступившей к горлу ненависти, от жалости и томительного ожидания чего-то страшного, что должно было совершиться вот-вот, сейчас, смотрела в лицо ему и никак не могла понять: видит ли он ее и угадывает ли?

А Иван Алексеевич все также трезво, но, взволнованно шарил по толпе одним дико блестящим глазом (другой затянула опухоль), и вдруг остановившись взглядом на лице Дарьи, бывшей от него в нескольких шагах, неверно, как сильно пьяный, шагнул вперед. У него кружилась голова от большой потери крови, его покидало сознание, но это переходное состояние, когда все окружающее кажется нереальным, когда горькая одурь кружит голову и затемняет свет в глазах, беспокоила и он с огромным напряжением все еще держался на ногах.

Увидев и угадав Дарью, шагнул, качнулся. Какое-то отдаленное подобие улыбки тронуло его некогда твердые, теперь обезображенные губы. И вот эта-то похожая на улыбку гримаса заставила сердце Дарьи гулко и часто забиться; казалось ей, что оно бьется где-то около самого горла.

Она подошла к Ивану Алексеевичу вплотную, часто и бурно дыша, с каждой секундой все больше и больше бледнея.

— Ну, здорово, куманек!

Несмотря на гул звенящий, страстный тембр ее голоса, необычные интонации в нем заставили толпу поутихнуть. И в тишине глуховато, но твердо прозвучал ответ:

— Здорово, кума Дарья.

— Расскажи-ка, родненький куманек, как ты кума своево... моево.. мужа... — Дарья задохнулась, схватилась руками за грудь. Ей не хватало голоса.

Стояла полная туго натянутая тишина и в этом недобром затишном молчании даже в самых дальних рядах слышали, как Дарья чуть внятно докончила вопрос:

— ... как ты мужа моево, Петра Панталеевича, убивал-казнил?

— Нет, кума, не казнил я ево!

— Как же не казнил? — еще выше поднялся Дарьин стениющий голос, — Ить вы же с Мишкой Кошевым казаков убивали? Вы?

— Нет, кума... Мы ево... я не убивал ево..

— А кто же со света его перевел? Ну, кто? Скажи!

— Заамурский полк тогда...

— Ты! Ты убил!.. Говорили казаки, што тебя видали на буре! Ты был на белом коне! Откажешься, проклятый!

— Был и я в том бою... — левая рука Ивана Алексеевича трудно поднялась на уровень головы, поправила присохшие к ране перчатки. В голосе его явственная оказалась неуверенность, когда он проговорил: — Был и я в тогдашнем бою, но убил твоево мужа не я, а Михаил Кошевой. Он стрелял ево. Я за кума Петра не ответчик.

— А ты, вражина, ково убивал из наших хуторных? Ты сам чьих детишков

по миру сиротами пораспустил? — пронзительно крикнула из толпы вдова Якова Подковы.

И снова, накаляя и без того накаленную атмосферу, раздались истерические бабы всхлипы, крик и голошенье по мертвому, «дурным голосом»...

Впоследствии Дарья говорила, что она не помнила, как и откуда в руках ее очутился кавалерийский карабин, кто ей его подsunул. Но когда заголосили бабы, она ощутила в руках своих присутствие постороннего предмета, не глядя, наощупь догадалась, что это — винтовка. Она схватила ее сначала за ствол, чтобы ударить Ивана Алексеевича прикладом, но в ладонь ее больно вонзилась мушка и она перехватила пальцами накладку, а потом повернула, вскинула винтовку и даже взяла на мушку левую сторону груди Ивана Алексеевича.

Она видела, как за спиной его шархнули в сторону казаки, обнажив серую рубленую стену амбара, слышала напуганные вскрики — «Тю! Сдурела! Своих побьешь! Погоди, не стреляй!» И подталкиваемая зверино-настороженным ожиданием толпы, сосредоточенными на ней взглядами, желанием отомстить за смерть мужа и, отчасти, тщеславием внезапно появившимся оттого, что вот сейчас она совсем не такая, как остальные бабы, что на нее с удивлением и даже со страхом смотрят и ждут развязки казаки: что она должна поэтому сделать что-то необычное, особенное могущее устроить всех; движимая одновременно всеми этими разнородными чувствами, с пугающей быстротой приближаясь к чему-то предрешенному в глубине ее сознания, о чем она не хотела, да и не могла в этот момент думать, она помедлила, осторожно, нащупывая спуск и вдруг, неожиданно для самой себя, с силой нажала его.

Отдачи заставила ее резко качнуться, звук выстрела оглушил, но сквозь суженные прорезы глаз она увидела, как мгновенно, страшно и непоправимо изменилось дрогнувшее лицо Ивана Алексеевича, как он развел и сложил руки, словно собираясь прыгнуть с большой высоты в воду, а потом упал навзничь и с лихорадочной быстротой задергалась у него голова, зашевелились стара-

тельно заскребли землю пальцы раскинутых рук....

Дарья бросила винтовку, все еще не отдавая себе ясного отчета в том, что она только что совершила, повернувшись спиной к упавшему и, неестественным в своей обыденной простоте жестом, поправила головной платок, подобрала выбивавшиеся волосы.

— А он еще двошит...— сказал один из казаков с чрезмерной услужливостью сторонясь от мимо проходившей Дарьи.

Она оглянулась, не понимая о ком и что это такое говорят, услышала глубокий, исходивший не из горла, а откуда-то, словно бы из самого нутра, протяжный, на одной ноте стон, прерываемый предсмертной икотой. И только тогда осознала, что это стонет Иван Алексеевич, принявший смерть от ее руки. Быстро и легко пошла она мимо амбара, направляясь на площадь, провожаемая редкими взглядами.

Внимание людей переметнулось к Антону Бреховичу: он, как на учебном смотре, быстро, на одних носках подбегал к лежавшему Ивану Алексеевичу, почему-то пряча за спиной оголенный ножевой штык японской винтовки. Движения его были рассчитаны и верны: пришел на корточки, направил острие штыка в грудь Ивана Алексеевича, негромко сказал:

— Ну, издыхай, Котляров! — И налег на рукоять штыка со всей силой.

Трудно и долго умирал Иван Алексеевич. С неохотой покидала жизнь его здоровое маслаковатое тело. Даже после третьего удара штыком он все еще разевал рот и из-под ощеренных залитых кровью зубов несло тягуче-хриплое:

— «А-а-а-а!»

— Эх, резак, к чортовой матери! — отпихнув Бреховича сказал вахмистр, начальник конвоя и поднял нага, деловито прижмурив левый глаз, целясь.

После выстрела, послужившего как бы сигналом, казали допрашивавшие пленных, начали их избивать. Те кинулись врассыпную. Винтовочные выстрелы, перемежаясь с криками, защелкали сухо и коротко.

Через час в Татарский прискакал Григорий Мелехов. Он на-смерть загнал коня, и тот пал по дороге из Усть-Хохерской на перегоне между двумя хуторами. Дотащив на себе седло до ближайшего хутора, Григорий взял там плохенькую лошаденку. И опоздал... Пешая сотня татарцев ушла бугром на Усть-Хохерские хутора, на грань Усть-Хохерского юртов, где шли бои с частями Мирновской дивизии, в хуторе было тихо, безлюдно, ночь темной ватолой крыла окрестные бугры, Заданье, ропщущие, тополя и ясени....

Григорий в'ехал на баз, вошел в курень. Огня не было. В густой темноте звенели комары, тусклой позолотой блестели иконы в переднем углу. Вдохнув с детства знакомый волнующий запах родного жилья, Григорий спросил: — Есть кто дома? Маманя! Дуняшка!

— Гриша! Ты што-ли? — Дуняшкин голос из горенки.

Шлепающая поступь босых ног, в вырезе дверей белая фигура Дуняшки, торопливо затягивающей поясок исподней юбки.

— Чево это вы так рано улеглись? Мать где?

— У нас тут...— Дуняшка замолчала и Григорий услышал, как она часто, взволнованно дышит.

— Што тут у вас? Пленных давно прогнали?

— Побили их.

— Ка-а-ак?

— Казаки побили... Ох, Гриша! Наша Дашка, стерва прокля-та-я... — в голосе Дуняшки послышались негодующие слезы, — она сама убила Ивана Алексеевича... стрельнула в него...

— Чево ты мелешь? — испуганно хватая сестру за ворот расшитой рубахи, вскричал Григорий.

Белки Дуняшкиных глаз сверкнули слезами и по страху, застывшему в зрачках, Григорий понял, что он не ослышался.

— А Мишка Кошевой? А Штокман?

— Их не было с пленными.

Дуняшка коротко, сбивчиво рассказала о расправе над пленными, о Дарье.

— ...Маманя забоялась ночевать с ней в одной хате, ушла, к соседям, а Даш-

ка откель-то явилась пьяная.... Пьянее прязи пришла. Зараз спит...

— Где?

— В амбаре.

Григорий вошел в амбар, настезь открыл дверь. Дарья, бесстыже заголив подол, спала на полу. Тонкие руки ее были раскинуты, правая щека блестела обильно смоченная слюной, из раскрытого рта резко разило самогонным перегаром. Она лежала неловко подвернув голову, левой щекой прижавшись к полу бурно и тяжело дыша.

Никогда еще Григорий не испытывал такого бешеного желания рубануть. Несколько секунд он стоял над Дарьей стояя и раскачиваясь, крепко сцепив зубы, с чувством непреодолимого отвращения и гадливости рассматривая это лежащее тело. Потом шагнул, наступил кованым каблуком своего сапога на лицо Дарьи, черневшее полудухьями высокие бровей, налег всей своей тяжестью на каблук, и ощущая, как под ногой хрустит переносица, ползет куда-то щека, выхрипел:

— Ггга-дю-ка!

Дарья хрипло застонала, что-то пьяно бормоча, а Григорий схватился руками за голову и, гремя по порожкам ножнами шашки, выбежал на баз.

Этого же ночью, не повидав матери, он уехал на фронт.

ЛIX

8 и 9 Красные армии, не смогшие до начала весеннего паводка сломить сопротивление частей Донской армии, и продвинуться за Донец, все еще пытались на отдельных участках переходить в наступление. Попытки эти в большинстве оканчивались неудачей. Инициатива переходила в руки донского командования.

К середине мая на южном фронте все еще не было заметных перемен. Но вскоре они должны были произойти. По плану, разработанному еще бывшим командующим Донской армией генералом Денисовым и его начштаба генералом Поляковым в районе станиц Каменской и Усть-Белокалитвенской заканчивалось сосредоточение частей так называемой ударной группы. На этот участок фронта были стянуты лучшие силы из обу-

ченных кадров молодой армии, испытанные низовские полки: Гундоровский, Георгиевский и другие. По грубому подсчету силы этой ударной группы состояли из 16000 штыков и сабель при 24 орудиях и 150 пулеметах.

По мысли генерала Полякова группа совместно с частями генерала Фицхеларова должна была ударить в направлении слободы Макеевки, сбить 12 красную дивизию, и, действуя во фланги и тыл 13 и Уральской дивизии, прорваться на территорию Верхне-Донского округа, чтобы соединиться с повстанческой армией, а затем уже идти в Хоперский округ «оздоравливать» заболевших большевизмом казаков.

Около Донца велась интенсивная подготовка к наступлению, к прорыву. Командование ударной группой поручено было генералу Секретеву. Успех начинал явно клониться на сторону Донской армии. Новый командующий этой армией генерал Сидорин, сменивший ушедшего в отставку ставленника Краснова — генерала Денисова, как и вновь избранный войсковой наказный атаман генерал Африкан Богаевский были союзнической ориентации. Совместно с представителями английской и французской военных миссий уже разрабатывались широкие планы похода на Москву, очищение всей территории России от большевиков.

В порты Черноморского побережья прибывали транспорты с вооружением. Океанские пароходы привозили не только английские, и французские аэропланы, танки, пушки, пулеметы, винтовки, но и упряжных мулов, и обесцененное миром с Германией продовольствие и обмундирование. Тюки английских темнозеленых бриджей и френчев с вычеканным на медных пуговицах вздыбившимся британским львом — заполнили новороссийские пакгаузы. Склады ломились от американо-русской муки, сахара, шоколада, вин. Капиталистическая Европа, напуганная упорной живучестью большевиков, щедро слала на юг России снаряды и патроны, те самые снаряды и патроны, которые союзнические войска не успели расстрелять по немцам. Международная реакция шла душисть истекающую кровью Советскую Россию... Анг-

лийские и французские офицеры-инструктора, прибывшие на Дон и Кубань обучать казачьих офицеров и офицеров Добровольческой армии искусству вождения танков, стрельбы из английских орудий, уже предвкушали торжества вступления в Москву...

А в это время у Донца разыгрывались события, решавшие успех наступления Красной армии в 1919 году.

Несомненно, что основной причиной неудавшегося наступления Красной армии было восстание верхне-донцов. В течение трех месяцев оно как язва раз'едало тыл красного фронта, требовало постоянной переброски частей, препятствовало бесперебойному питанию фронта боеприпасами и продовольствием, затрудняло отправку в тыл раненых и больных. Только из 8-ой и 9-ой красных армий на подавление восстания было брошено около 20 000 штыков.

Революционный совет республики, не будучи осведомлен об истинных размерах восстания¹, во-время не принял достаточно

1 Характерно, что доподлинные размеры Верхне-донского восстания не установлены нашими историками, работающими по воссозданию истории гражданской войны, и до настоящего времени. Так, в очень обстоятельном и ценном труде Н. Какурина («Как сражалась революция». Госиздат, 1925 г. Том. I) Верхне-донское восстание описывается так:

«Наиболее обширными и организованными движениями, притом с определенным контрреволюционным характером, в сфере красных фронтов в пределах Великороссии и Урала явились ижевско-воткинское восстание в августе 1918 г. и восстание донских казаков в северной части Донской области в марте 1919 г. ...Донское восстание с особой силой разгоралось в марте 1919 г. в тылу 9 армии нашего южного фронта, как раз в тот период времени, когда обе стороны сосредоточили на этом фронте свое преимущественное внимание. В противоположность только что описанному восстанию ((ижевско-воткинскому, М. Ш.), которое зазрело тогда, когда фронты обоих противников только еще обозначались, это восстание возникло в тылу достаточно насыщенном войсками и уже ясно определившегося фронта, в непосредственной от него близости и в момент развития решительных операций, почему его отрицательное влияние на ход этих операций сказалось гораздо существеннее и потребовало от красного командования затраты значительных сил и времени для борьбы с ним. Центром восстания явилась станица Вешенская; площадь, охваченная восстанием, занимала до 10.000 кв. км., простираясь от станицы Усть-Медведицкой до г. Богучара; число восставших казаков

энергичных мер к его подавлению. На восстание бросались вначале отдельные отряды и отрядики (так например, школа ВЦИКа выделила отряд в 200 человек), недоукомплектованные части, малочисленные заградительные отряды. Большой пожар пытались задуть, поднося воду в стаканах. Разрозненные красноармейские части окружали повстанческую территорию, достигавшую 190 километров в диаметре, действовали самостоятельно, вне общего оперативного плана и несмотря на то, что количество сражавшихся с повстанцами достигало 25.000 штыков, — эффективных результатов не было.

Одна за одной были кинуты на локализацию восстания четырнадцать мар-

определялось в 15 тысяч человек при нескольких пулеметах. Вокруг этого главного ядра восстания возникло несколько второстепенных в районах Новохоперска, Бутурлиновки и др., носивших чисто дезертирский характер. Необходимость подавления восстания в кратчайший срок, пока оно не успело раз'есть с тыла противостоящий белым армиям участок фронта, вынудила ослабить войска фронта выделением значительного количества сил. В течение апреля 8 и 9 Красные армии выделили для борьбы с повстанцами по одной экспедиционной дивизии, общим количеством до 14.000 бойцов с артиллерией и пулеметами. Эти силы раздробились по 400 километровому обводу восстания и действовали разрозненно. Так же, как и ижевское восстание, и это восстание первоначально носило эсеровскую окраску: повстанцы стремились сохранить власть советов, но без коммунистов. С назначением бывшего командарма 8-й т. Хвесина, командующим всеми экспедиционными силами, действующими против повстанцев, подавление восстание пошло успешнее: в течение недели, с 24-го по 1 июня 1919 г., восстание на правом берегу р. Дона было подавлено».

На самом же деле повстанцев было не 15.000 человек, а 30 000—35 000, причем, вооружение их в апреле—мае состояло не «несколько пулеметов», а 25 орудий (из них 2 мортирки), около 100 пулеметов и по числу бойцов почти полное количество винтовок. Кроме этого в конце раздела, посвященного характеристике Верхне-донского восстания, есть существенная неточность: оно (восстание) не было, как пишет т. Какурин, подавлено в мае, на правом берегу Дона. Красными экспедиционными войсками была очищена территория правобережья силы и все население отступили на левую сторону Дона. Над Доном, на протяжении двухсот от повстанцев, а вооруженные повстанческие версты были порыты траншеи, в которых поселились повстанцы, оборонявшиеся в течение двух недель, до Секретевского прорыва, до соединения с основными силами Донской армии (М. Ш.).

шевых рот, десятки заградительных отрядов; прибывали отряды курсантов из Тамбова, Воронежа, Рязани. И уже тогда, когда восстание разрослось, когда повстанцы вооружились отбитыми у красноармейцев пулеметами и орудиями, 8 и 9 армии выделили из своего состава по одной экспедиционной дивизии с артиллерией и пулеметными командами. Повстанцы несли крупный урон, но сломлены не были.

Искры Верхне-доского пожара перекинулись и в соседний Хоперский округ. Под руководством офицеров там произошло несколько выступлений незначительных казачьих групп. В станице Урюпинской войсковой старшина Алимов сколотил было вокруг себя изрядное количество казаков и скрывавшихся офицеров. Восстание должно было произойти в ночь на 1 мая, но заговор своевременно был раскрыт; Алимов и часть его сообщников, захваченные на одном из хуторов Преображенской станицы, были расстреляны по приговору ревтрибунала, восстание во-время обезглавленное — не состоялось, и таким образом, контрреволюционным элементам Хоперского округа, не удалось сомкнуться с повстанцами Верхне-Донского округа.

В первых числах мая на восстание выехал из Москвы председатель реввоенсовета республики. Троцкий. Со станции Лиски в специальном вагоне прицепленном к паровозу, он прибыл на станцию Чертково, где в этот момент выгружался отряд школы ВЦИК'а и стояло несколько сводных красноармейских полков. Чертково была одна из конечных станций по юго-восточной железной дороге, непосредственно граничивших с западным участком повстанческого фронта. Казаки Мигулинской, Мешковской и Казанской станиц в то время огромнейшими конными массами скоплялись на грани казанского станичного юрта, вели отчаянные бои с перешедшими в наступление красноармейскими частями.

На привокзальном плацу Троцкий держал к красноармейцам и курсантам речь. На левом фланге построенного квадрата войск стояли курсанты, составившие винтовки в козла. Красноармейцы были

в строю с винтовками, в полной боевой готовности. Тотчас же после речи им надлежало походным порядком итти на фронт.

В середине речи Троцкого, призывавшего к скорейшему и беспощадному подавлению восстания, к мужественной борьбе с врагами революции, где-то на бугре пулемет выстукал две очереди и смолк. По станции распространились слухи, что казаки окружили Чертково и что невидно начнут наступление. И несмотря на то, что до фронта было не менее пятидесяти километров, что впереди были красноармейские части, которые сообщили бы в случае прорыва казаков, — на станции началась паника. Построенные красноармейские ряды дрогнули. Где-то за церковью зычный командный голос орал — «В ружье-е-е!» По улицам забегал, засуетился народ.

Троцкий послал на телеграф, одного из своих приближенных, а сам скомкал свою до этого горячую речь, наспех закончил ее и проследовал к вокзалу. Через пять минут паровоз, привозивший председателя реввоенсовета республики, пронзительно свистнул и, набирая скорость, загрохотал на Лиски.

Паника оказалась ложной. За казаков приняла эскадрон красноармейцев, подходивший к станции со стороны слободы Машьково. Курсанты и два сводных полка выступили в направлении станицы Казанской.

Через день казаками был почти целиком истреблен только недавно прибывший с севера Кронштадтский полк.

После первого же боя с кронштадцами казаки ночью произвели набег. Полк, выставив заставы и секреты, ночевал в степи, не рискнув занять брошенный повстанцами хутор. В полночь несколько конных казачьих сотен окружили полк, открыли бешеную стрельбу, широко используя изобретенное кем-то средство устрашения: огромные деревянные трещотки. Трещотки эти по ночам заменяли повстанцам пулеметы; во всяком случае звуки воспроизводимые ими, были почти неотличимы от подлинной пулеметной стрельбы...

И вот, когда окруженные кронштадтцы слышали в ночной непроглядной

темени говор многочисленных пулеметов, суматошные выстрелы своих застав, казачье гиканье, вой и гулкий грохот приближавшихся конных лав, они бросились к Дону, пробились, но были конной атакой опрокинуты. Из всего состава полка спаслось только несколько человек, сумевших переплыть распахнувшийся в весеннем разливе Дон.

В мае с Донца на повстанческий фронт стали прибывать все новые подкрепления. Подошла 33 Кубанская дивизия, и Григорий Мелехов почувствовал впервые всю силу настоящего удара. Кубанцы погналы его первую дивизию без передышки. Хутор за хутором сдавал Григорий, отступая на север, к Дону. На чирском рубеже возле Киргинской он задержался на день, а потом под давлением превосходных сил противника, вынужден был не только сдать Киргинскую, но и срочно просить подкреплений.

Кондрат Медведев прислал ему восемь конных сотен своей дивизии. Его казаки были экипированы на диво. У всех было в достатке патронов, на всех была справная одежда и добротная обувь — все добытое с пленных красноармейцев. Многие казаки-казанцы, не глядя на жару, щеголяли в кожаных куртках, почти у каждого был либо наган, либо бинокль... Казанцы на некоторое время задержали наступление шедшей на пролом 33 Кубанской дивизии. Воспользовавшись этим, Григорий решил обыденкой съездить в Вешенскую, так как Кудинов неотступно просил его приехать на совещание.

LX

В Вешенскую он прибыл рано утром.

Полая вода в Дону начала спадать. Приторно-сладким клейким запахом цветущих тополей был налитан воздух. Около Дона сочные темнозеленые листья дубов дремотно шелестели. Обнаженные грядины земли курились паром. На них уже выметалась острожалая трава, а в низинах еще блистала застойная вода, басовито гудели водяные быки, и в сыром, пронизанном запахом или и тины воздухе, несмотря на то, что солнце уже взошло, густо кишела мошкара.

В штабе дребезжала страеньякая пишущая машинка, было людно и накурено.

Кудинова Григорий застал за странным занятием: он не глянув на тихо вошедшего Григория, с серьезным и задумчивым видом обрывал ножки у пойманной, большой, изумрудно-зеленой мухи. Оторвет, зажмет в сухом кулаке и поднося его к уху, сосредоточенно склонив голову слушает, как муха то басовито, то тонко брунжит.

Увидев Григория, с отвращением и досадой кинул муху под стол, вытер о штанину ладонь, устало привалился к обтертой до глянца спинке кресла..

— Садись, Григорий Пантелеевич.

— Здорово, начальник.

— Эх, здорова-то здорова, да не семенна, как говорится. Ну, что там у тебя? Жмут?

— Жмут во всю!

— Задержался по Чиру?

— Сколь надолго. Казанцы выручили.

— Вот какое дело, Мелехов, — Кудинов наматал на палец сыромятный ремешок своего кавказского пояска и, с нарочитым вниманием рассматривая почерненное серебро, вздохнул: — Как видно, дела наши будут ишо хуже. Што-то такое делается около Донца. Или там наши дюже пихают красных и рвут им фронт, илиже они поняли, што мы им — весь корень зла, и норовят нас взять в тисы.

— А што слышно про кадетов? С последним аэропланом што сообщали?

— Да ничево особеннова. Они, браток, нам с тобой своих стратегий не расскажут. Сидорин, — он, брат, дока! Из него не сразу вытянешь. Есть такой план у них — порвать фронт красных и кинуть нам подмогу. Сулились помочь. Но ить посулы, — они не всегда сбываются. И фронт порвать — не легкое дело, знаю, сам рвал с генералом Брусиловым. Почем мы с тобой знаем, какие у красных силы на Донце? Может, они с Колчака сняли несколько корпусов и сунули их, а? Живем мы в потемках растуды твою мать! И дальше своево носа ничево зрить не можем!

— Так о чем ты хотел гутарить? Какое совещание? — спросил Григорий, скучающе позевывая.

Он не болел душой из исход восстания. Его это как-то не волновало. Из дня в день, как лошадь влачащая молотильный каток по гуменному посаду, ходил он в думках вокруг все этого же вопроса и наконец мысленно махнул рукой: «С советской властью нас зараз не помиришь, дюже крови много она нам, а мы ей пустили, а кадетская власть зараз гладит, а потом будет против шерсти драть. Чорт с ним, как кончится, так и ладно будет!»

Кудинов развернул карту, все так же не глядя в глаза Григорию, сказал:

— Мы тут без тебя держали совет и порешили...

— С кем это ты совет держал, с князем што ли? — перебил его Григорий, вспомнив совещание, происходившее в этой-же комнате зимой, и полковника-кавказца.

Кудинов нахмурился, потускнел.

— Ево уж в живых нету.

— Как так? — оживился Григорий.

— А я разве тебе не говорил? Убили товарища Георгидзе.

— Ну, какой он нам с тобой товарищ... Пока дубленный полшубок носил, до тех пор товарищем был. А — не приведи господь — соединились бы мы с кадетами, да он в живых бы остался, так на другой же день усы бы намазал помадой, выхолился бы и не руку тебе подавал, а вот этак, мизинчиком. — Григорий отставил свой смуглый и грязный палец и захохотал, блистая зубами.

Кудинов еще пуще нахмурился. Явное недовольство, досада, сдерживаемая злость были в его взгляде и голосе.

— Смеяться тут не над чем. Над чужою смертью не смеются. Ты становишься вроде Ванюшки-дурочка: человека убили, а у тебя получается «таскать вам, не перетаскать!»

Слегка обиженный Григорий и виду не показал, что его задело кудиновское сравнение, посмеиваясь отвечал:

— Таких-то и верно «таскать-бы не перетаскать». У меня к этим белоликим, да белоруким жалости не запасено.

— Так вот убили его...

— В бою?

— Как сказать... темная история и правды не скоро дознаешься. Он же по

моему приказу при обозе находился. Ну, и, вроде, не заладил с казаками. За Дудоревкой бой завязался, обоз, при котором он ездил, от линии огня в двух верстах был. Он, Георгидзе-то, сидел на дышине брички (так казаки мне рассказывали) и, дескать, шалая пуля его чмокнула в песик. И не копнулся, вроде... Казаки, сволочи, должно-быть убили...

— И хорошо сделали, што убили!

— Да оставь ты! Будет тебе путаться.

— Ты не сердчай. Это я шутейно.

— Иной раз шутки у тебя глупые проскакивают... Ты как бык: где жрешь, там и надворничаешь. По-твоему, што же, следует офицеров убивать? Опять «долой погонь?» А за ум тебе взяться не пора, Григорий? Хромай так уж на одну какую-нибудь!

— Не сепети, рассказывай!

— Нечего рассказывать! Понял я, што убили казаки, поехал туда и погутарил с ними по душам. Так и сказал: «За старое баловство взялись, сукины сыны? А не рано вы опять начали офицеров постреливать? Осенью тоже их постреливали, а посла, как сделали вам закрутку, и офицеры пондобились. Вы же, говорю, сами приходили и на коленях положили: «Возьми на себя команду, руководствуй!» А зараз опять за старое?» Ну, постыдил, поругал. Они отреклись, мол, «сроду мы ево не убивали, упаси бог!» А по глазам ихним блядским вижу — они ухондокали! Чево ж ты с них возьмешь? Ты им мочись в глаза, а им все — божья роса. — Кудинов раздраженно скомкал ремешок, покраснел, — убили знающева человека, а я без него зараз, как без рук. Кто план накинёт? Кто посоветует? С тобою вот так только погутарим, а как дело до стратегии-тактики дошло, так и оказывается мы во-взят негожими. Петро Богатырев спасибо прилетел, а то словом перекинуться не с кем бы! Э, да, ну, к чорту, хватит! Вот в чем дело: если наши от Донца фронт не порвут, то нам тут не удержаться. Решено, как и раньше говорили, всею тридцатитысячной армией итти на прорыв. Если тебя собьют, — отступай до самого Дона. От Усть-Хопра до Казанской очистим им

правую сторону, пороем над. Доном траншеи и будем обороняться...

В дверь резко постучали.

— Войди, кто там? — крикнул Кудинов.

Вошел комбриг 6 Богатырев Григорий. Крепкое красное лицо его блестело потом, вылинявшее русые брови были сердито сдвинуты. Не снимая фуражки с мокрым от пота верхом, он присел к столу.

— Чево приехал? — спросил Кудинов, поглядывая на Богатырева со сдержанной улыбкой.

— Патронов давай.

— Дадены были. Сколько же тебе надо? Што у меня тут, патронный завод, што ли?

— А што было дадено? По патрону на брата? В меня смоят из пулеметов, а я только спину гну, да хоронюсь. Это война? Это — одно м... рыдание! Вот это што!..

— Ты погоди, Богатырев, у нас тут большой разговор, — но видя, что Богатырев поднимается, чтобы выйти, добавил. — Постой, не уходи. Секретов от тебя нету. Так вот, Мелехов, если уж и на этой стороне не удержимся, то тогда идем на прорыв. Бросаем всех, кто не в армии, бросаем все обозы, пехоту сажаем на повозки, берем с собой три батареи и пробиваемся к Донцу. Тебя мы хотим пустить головным. Не возражаешь?

— Мне все равно. А семьи наши как же? Пропадут девки, бабы, старики.

— Уж это так. Лучше пусть одни они пропадают, чем всем нам пропадать. Богатырев улыбнулся, закрутил головой.

— К этому году у нас бабы столько мужиков народют, — не сочтешь! Красные зараз голодные на баб. Надьсымы отступили с Белавина, жители тоже с нами ушли, а одна молоденькая бабенка осталась. Утром глядим, а она ползет на ракушках. Произвели ее товарищи до того, што на ногах итить не могла...

Кудинов опустив углы губ, долго молчал, а потом достал из стола газету.

— Да, ишо новость: Троцкий приехал руководить войсками. Слухом пользовались, што зараз он в Миллерове, ни

то в Кантемировке. Вот как до нас добираются!

— На самом деле? — усомнился Григорий Мелехов.

— Верно, верно! Да вот, почитай. Прислали мне казанцы. Вчера утром за Шумилинской раз'езд наш напал на двух верховых. Обои красные курсанты. Ну, порубили их казаки и у одново, — не молодой на вид, говорили, может и комиссар какой — нашли в планшатке вот эту газету по названию «В пути», от 12 этого месяца. Расчудесно они нас описывают! — Кудинов протянул Мелехову газету, с оторванным на козью ножку углом.

Григорий бегло взглянул на заголовок статьи, отмеченной химическим карандашом, начал читать:

«Восстание в тылу.

Восстание части донского качества тянется уже ряд недель. Восстание подъято агентами Деникина — контрреволюционными офицерами. Оно нашло опору в среде казацкого кулачества. Кулаки потянули за собой значительную часть казаков-средняков. Весьма возможно, что в том или другом случае казаки терпели какие-либо несправедливости от отдельных представителей советской власти. Этим умело воспользовались деникинские агенты, чтобы раздуть пламя мятежа. Белогвардейские прохвосты притворяются в районе восстания сторонниками советской власти, чтобы легче втереться в доверие к казачу-средняку. Таким путем контрреволюционные плутни, кулацкие интересы и темнота массы казачества слились на время воедино в бессмысленном и преступном мятеже в тылу наших армий южного фронта. Мятеж в тылу у война то же самое, что нарыв на плече у работника. Чтобы воевать, чтобы защищать и оборонять советскую страну, чтобы добить помещичьи-деникинские шайки необходимо иметь надежный, спокойный, дружный, рабоче-крестьянский и трудовой казаческий тыл. Важнейшей задачей поэтому является сейчас очищение Дона от мятежа и мятежников.

Центральная советская власть приказала эту задачу разрешить в кратчайший срок. В помощь экспедиционным

войскам, действующим против подлого контрреволюционного мятежа, прибыли и прибывают прекрасные подкрепления. Лучшие работники-организаторы направляются сюда для разрешения неотложной задачи.

Нужно покончить с мятежом. Наши красноармейцы должны проникнуться ясным сознанием того, что мятежники Вешенской или Еланской или Букановской станиц, являются прямыми помощниками белогвардейских генералов Деникина и Колчака. Чем дальше будет тянуться восстание, тем больше жертв будет с обеих сторон. Уменьшить кровопролитие можно только одним путем: нанеся быстрый, суровый, сокрушающий удар.

Нужно покончить с мятежом. Нужно вскрыть нарыв на плече и прижечь его каленым железом. Тогда рука южного фронта освободится для нанесения смертельного удара врагу.

Григорий dokonчил читать, мрачно усмехнулся. Статья наполнена его озлоблением и досадой. «Черкнули пером и доразу спаровали с Деникиным, в помощники ему зачислили...»

— Ну, как, здорово? Каленым железом собираются прижечь. Ну, да мы ишо поглядим, кто кому приварит! Верно, Мелехов? — Кудинов подождал ответа и обратился к Богатыреву: — Патронов надо? Дадим! По 30 штук на всадника, на всю бригаду. Хватит? Ступай на склад, получай. Ордер тебе выпишет начальник отдела снабжения, зайди к нему. Да ты там, Богатырев, больше на шашку, на хитрость налегай, милое дело!

— С паршивой овцы хучь шерста клоки! — улыбнулся обрадованный Богатырев и, попрощавшись вышел.

После того как договорился с Кудиновым относительно ожидавшегося отхода к Дону, ушел и Григорий Мелехов. Перед уходом спросил:

— В случае ежели я всю дивизию приведу на Базки, переправиться-то будет на чем?

— Эка выдумал! Конница вся вплынь через Дон пойдет. Где это видано, штобы конницу переправляли?

— У меня ить обдонцев мало, имей в виду. А казаки с Чиру — не пловцы. Всю жизнь середь степи живут, где уж им плавать. Они все больше по топоровому.

— При конях переплывут. Бывало на маневрах плавали и на германской припадало.

— Я про пехоту говорю.

— Паром есть. Лодки сготовим, не беспокойся.

— Жители тоже будут ехать.

— Знаю.

— Ты всем обеспечить переправу, а то я тогда ить тебя душу выну! Это ить не шутка, ежели у нас народ останется.

— Да, сделаю, сделаю же!

— Орудия как?

— Мортирки взорви, а трехдюймовые вези сюда. Мы большие лодки поскошумем и перекинем батареи на эту сторону.

Григорий вышел из штаба под впечатлением прочитанной статьи.

«Помощниками Деникина нас величают... А кто-же мы? Выходит, што помощники и есть, нечево обижаться. Правда-матка глаза заколола...» Ему вспомнились слова покойного Якова Подковы. Однажды в Киргинской, возвращаясь поздно вечером на квартиру, Григорий зашел к батареям, помещавшимся в одном из домов на площади, вытирая в сенцах ноги о веник, слышал, как Яков Подкова, споря с кем-то, говорил: — «Отделились, говоришь? Ни под чьей властью не будем ходить? Хо! У тебя на плечах не голова, а недодовая тыква! Коли хочешь знать, мы зараз как бездомная собака: иная собака не угодит хозяину, либо нашкочит, уйдет из дому, а куда денется? К волкам не пристаёт, страшновато, да и чуёт, што они звериной породы, и к хозяину нельзя возвратиться, побьет за шкodu. Так и мы. И ты попомни мои слова: подождем хвост, вдоль пуза вытянем его по кнутовому и поползем к кадетам, «Примите нас, братушки, помилосердствуйте!» Вот оно што будет!»

Григорий, после того боя, когда порубил под Климовской матросов, все время жил в состоянии властно охватившего его холодного, тупого равнодушия. Жил, понуро нагнув голову, без

улыбки, без радости. На какой-то день всколыхнули его боль и жалость к убитому Ивану Алексеичу, а потом и это прошло. Единственное, что оставалось ему в жизни (так по крайней мере ему казалось) это — с новой и неумной силой вспыхнувшая страсть к Аксинье. Одна она манила его к себе, как манит путника в знобящую, черную, осеннюю ночь далекий, трепетный огонек костра в степи.

Вот и сейчас, возвращаясь из штаба, он вспомнил о ней, подумал: «Пойдем мы на прорыв, а она как-же? — и без колебаний и долгих размышлений решил: Наталья останется с детьми, с матерью, а Аксютку возьму. Дам ей коня и пушай при моем штабе едет».

Он переехал через Дон на Базки, зашел на квартиру, вырвал из записной книжки листок, написал:

«Ксюша! Может, нам придется отступить на левую сторону Дона, так ты кинь все свое добро и езжай в Вешки. Меня там разыщешь, будешь при мне».

Записку заклеил жидким вишневым клеем, передал Прохору Зыкову и багровея, хмурясь, за напускной строгостью скрывая от Прохора свое смущение, сказал:

— Поедешь в Татарский, передашь эту записку Астаховой Аксинье. Да так передай, чтобы... ну, к примеру, из наших кто не доглядел, из моей семьи, понял? Лучше ночью занеси и отдай ей. Ответа не надо. И потом вот што: даю тебе отпуску на двое суток. Ну, езжай!

Прохор пошел к коню, но Григорий, спохватившись, вернул его.

— Зайди к нашим и скажи матери либо Наталье, чтобы они загодя переправили на эту сторону одежду, и другое што ценное. Хлеб пушай зароят, а скотину вплынь перегонют через Дон.

LXI

22 мая началось отступление повстанческих войск по всему правобережью. Части отходили с боем, задерживаясь на каждом рубеже. Население хуторов степной полосы в панике устремилось к Дону. Старики и бабы запрягали все имевшееся в хозяйстве тягло, валили на арбы сундуки, утварь, хлеб, детишек.

Из табунов и гуртов разбирали коров и овец, гнали их сбочь подвод. Огромнейшие обозы, опережая армию, пскатились к придонским хуторам.

Пехота по приказу штаба командующего начала отход на день раньше. Татарские пластуны и иногородняя Вешенская дружина 21 мая вышли из хутора Чеботарева Усть-Хоперской станицы, проделали марш в сорок с лишним верст и ночевать расположились в хуторе Рыбном Вешенской станицы.

22 с зари бледная наволочь покрыла небо. Ни единой тучки не было на его мглистом просторе, лишь на юге, над кромкой обдонского перевала, перед восходом солнца появилось крохотное, ослепительно-розовое облачко. Обращенная к востоку сторона его будто кровоточила, истекая багряным светом. Солнце взойшло из-за песчаных прохладных после росы бурунов левобережья, и облачко исчезло в невиди. В лугу резче закричали дергачи, острокрылые рыбники голубыми хлопьями падали на россыпи Дона в воду, поднимались ввысь с серебрино-сверкающими рыбешками в хищных клювах.

К полудню установилась небывалая для мая жара. Парило словно перед дождем. Еще до зари с востока по правой стороне Дона потянулись к Вешенской валки беженских обозов. По Гетманскому шляху неумолчно поцокивали колеса бричек. Ржанье лошадей, бычий мык и людской говор доносились с горы до самого займища.

Вешенская иногородняя дружина, насчитывавшая около двухсот бойцов, все еще находилась в Рыбном. Часов в 10 утра был получен приказ из Вешенской: дружине перейти на хутор Большой Громок, выставить на Гетманском шляху и по улицам заставы, задерживать всех направляющихся в Вешенскую казаков служивого возраста.

К Громку подкатилась волна движущихся на Вешенскую беженских подвод. Запыленные, черные от загара бабы гнали скот, сбочь дорог ехали всадники. Скрип колес, фырканы лошадей и овец, рев коров, плач детишек, стон тифозных, которых тоже везли с собой в отступ, опрокинули нерушимое безмолвие хутора, потаенно захоронившегося

в вишневых садах. Так необычен был этот многообразный и слитный гомон, что хуторские собаки окончательно охрипли от бреха и уже не бросались, как вначале, на каждого пешехода, не провозжали вдоль проулков подводы, от скуки увязываясь за ними на добрую версту.

Проход Зыков двое суток погостил дома, передал записку Григория Аксинье Астаховой и словесный наказ Ильиничне с Натальей, 22 выехал в Вешенскую.

Он рассчитывал застать свою сотню на Базках. Но орудийный гул, немо доказываясь до Обдонья, звучал еще как будто где-то по Чиру. Прохора что-то не потянуло ехать туда, где возгорался бой и он решил добраться до Базков, там обождать, пока к Дону Подойдет Григорий со своей первой дивизией.

Всю дорогу до самого Громка Проход ехал, обгоняемый подводами беженцев. Ехал он не спеша, почти все время шагом. Ему некуда было торопиться. От Рубежина он пристал к штабу недавно сформированного УстьХоперского полка.

Штаб перемещался на рессорных дышловых дрожжах и на двух бричках. У штабных шли привязанные к задкам повозок шесть подседленных лошадей. На одной из бричек везли какие-то бумаги и телефонные аппараты, а на дрогах — раненого пожилого казака и еще одного, страшно исхудалого, горбоного, не поднимавшего от седельной подушки головы, покрытой серой, каракулевой, офицерской папахой. Он очевидно только что перенес тиф. Лежал до подбородка одетый шинелью, на выпуклый бледный лоб его, на тонкий хрящеватый нос, испариной садилась пыль, но он все время просил укутать ему ноги чем-нибудь теплым и, вытирая пот со лба костистой, жилистой рукой, ругался:

— Сволочи! Стервюги, мать вашу разэтак! Под ноги дует мне, слышите? Поликарп, слышишь? Укройте полностью! Здоровый был, — нужен, был, а зара... — и вел по сторонам нездешним, строгим, как у всех перенесших тяжелую болезнь, взглядом.

Тот, кого он называл Поликарпом, —

высокий молодцеватый старовер на ходу спешилался, подходил к дрожжам.

— Вы так дюжей можете простыть, Самойло Иванович.

— Прикрой, говорят!

Поликарп послушно исполнял приказание, отходил:

— Это кто-же такой есть? — спросил у него Проход, указывая глазами на больного.

— Офицер Усть-Медведицкий. Они у нас при штабе находились.

Вместе со штабом ехали и усть-хоперские беженцы с Тюковского, Бобровского, Крутовского, Зимовного и других хуторов.

— Ну, а вас куда нечистая сила несет? — спросил Проход у одного старика-беженца, восседавшего на арбе, до верха мажар набитой разным скарбом.

— Хотим в Вешки проехать.

— Посылали за вами, штобы в Вешки ехали?

— Оно, милок, не посылали, да ить и кому же смерть мила? Небось, поедешь, когда в глазах страх.

— Я к тому спрашиваю, чево вы в Вешки мететесь? В Еланской переправились бы на энту сторону и вся недолга.

— На чем? Там, гутарил народ, паром нету.

— А в Вешках на чем? Паром под твою хурду дадут? Частя побросают на берегу, а вас с арбами зачнут преправлять? То-то, дедушка, глупые вы люди! Едут чорт-те куда и неизвестно за чем. Ну, чево ты это на арбу навалил? — с досадой спрашивал Проход, ровняясь с арбой, указывая на узлы плетью.

— Мало ли тут чево нету! И одежда, и хомуты вот, мука и разное прочее, надобное по хозяйству... Кинуть было нельзя. К пустому куреню бы приехал. А то вот я запрег пару коней, да три пары быков, все поклат, што можно было, баб посажал и поехал. Ить, милый, все наживалось своим горбом, со слезьми и с потом наживалось, разве ж не жалко кинуть? Кабы можно было, — курень бы и то увез, штобы красным не достался, холера им в бок!

— Ну, а к примеру, к чему ты это про-

хот² тянешь с собой? Или вот стулья, на какую надобность прешь их? Красным они ничуть не нужны.

— Да ить нельзя же было оставить! Эка, чудак ты... Оставь, а они либо поломают, либо сожгут. Нет, у меня не подживутся. Раз'язви их в душу! Все начисто забрал! — Старик махнул кнутом на вяло переступавших сытых лошадей, повернулся назад и указывая кнутовищем на третью сзади бычину подводу, сказал:

— Вон энта закутанная девка, што быков погоняет, — моя дочь. У ней на арбе — свинья с поросятами. Она была супоросая, мы ее, должно быть, помяли, когда вязали, да на арбу клали. Она возьми, да и опоросись ночью, прямо на арбе. Слышишь, как поросятки сквачат? Нет, от меня красюки не дюже разживутся, лихоман их вытряси!

— Нешто не попадешься ты мне, дед, возля парома! — сказал Прохор, злобно уставившись на потную широкую рожу старика: — Нешто не попадешься, а то так и загремят в Дон твои свиньи-поросята и все имение!

— Это... Черезо што же такое? — страшно удивился старик.

— Через то, что люди гибнут, всего лишаются, а ты, старая чертяка, как паук, все тянешь за собой! — закричал обычно смирный и тихий Прохор. — Я таких говноедов до смерти не люблю! Мне это — нож вострый!

— Проезжай! Проезжай, мимо! — обозлился старик, сопя, отворачиваясь. — Начальство какое нашлось, чужое добро он поспихал бы в Дон... Я с ним, как с хорощим человеком, а он... У меня самово сын-вахмистр зараз с сотней задерживает красных... Проезжай пожалуйста! На чужое добро нечево завидывать! Свово-бы наживал поболее, вот оно бы и глаза не играли!

Прохор тронул рысью. Сзади пронзительно, тонко завизжал поросенок, встревоженно заохала свинья. Поросичий визг шилом вонзался в уши.

— Что это за чорт? Откуда поросенок? Поликарп!.. — болезненно мор-

щась и чуть не плача, закричал лежавший на дрожках офицер.

— Это поросеночек с арбы упал, а ему ноги колесом потрощило, — отвечал под'ехавший Поликарп.

— Скажи им... Езжай, скажи хозяину поросенка, чтобы но его прирезал. Скажи, что тут больные... И так тяжело, а тут этот визг. Скорее! Скачи!

Прохор, поровнявшись с дрожками, видел, как горбоносый офицерик морщился, с остановившимся взглядом прислушиваясь к поросячьему визгу, как он тщетно пытался прикрыть уши своей серой каракулевой папахой... Поскакал Поликарп.

— Он не хочет резать, Самойло Иваныч. Говорит, што он — поросенок — выходится, а нет, так мы, мол, ево на вечер прирежем.

Офицер побледнел, с усилием приподнялся и сел на дрогах, свесив ноги.

— Где мой браунинг? Останови лошадей! Где хозяин поросенка? Я сейчас покажу... На какой подводе?

Хозяйственного старика таки заставили приколоть поросенка.

Прохор, посмеиваясь, тронул рысью, обогнал валку уст-хоперских подвод. Впереди, в версте расстояния, по дороге ехали новые подводы и всадники. Подвод было не меньше двухсот, всадников, ехавших враздобрь — человек сорок. «Светопреставление будет возле парома!» — подумал Прохор.

Догнал подводы. Навстречу ему от головы движущегося обоза, на прекрасном, темногнедом коне наметом скакала баба. Поровнявшись с Прохором, натянула поводья. Конь под ней был оседлан богатым седлом, нагрудная прозвездь и уздечка посверкивали серебром, даже крылья седла были нимало не обтерты, а подпруги и подушка лоснились глянцем добротной кожи. Баба умело и ловко сидела в седле, в сильной смуглой руке твердо держала правильно разобранные поводья, но рослый служивский конь, как видно, презирал свою хозяйку; он выворачивал налитое кровью глазное яблоко, изгибал шею и, обнажая желтую плиту оскала, норовил цапнуть бабу за круглое, вылезшее из-под юбки колено.

²) Грохот — большое решето для ручной подсевки зерна.

Баба была по самые глаза закутана свежее-выстиранным, голубым от синьки, головным платком. Сдвинув его с губ, спросила:

— Ты не обгонял, дяденька, подводы с ранеными?

— Обгонял много подвод, а што?

— Да вот беда, — протяжно заговорила баба, — мужа не найду. Он у меня с лазаретом из Вусть-Хопра едет. У него — ранения в ногу была. А зараз вроде загноилась рана, он и переказал мне с хуторными, штобы коня ему привела. Это его конь, — баба хлопнула плетью по конской шее, осыпанной росинками пота, — я подседлала коня, поехала в Вусть-хопер, а лазарета там уж нету, уехал. И вот сколько не моталась, — никак не нападу на него.

Прохор, любуясь на круглое красивое лицо казачки, с удовольствием вслушиваясь в мягкий тамбр ее низкого контрального голоса, крикнул:

— Эх, мамушка! На чорта тебе мужа искать! Пуцай его с лазаретом едет, а тебя — такую раскрасавицу — да ишо с таким конем в приданое, любой в жены возьмет! Я и то рискнул бы.

Баба нехотя улыбулась, перегнувшись полным станом, натянула на оголившиеся колени подол юбки.

— Ты без хаханьков скажи, не обгонял лазарета?

— Вот в энтой валке есть и больные и раненые, — со вздохом отвечал Прохор.

Баба взмахнула плетью, конь ее круто повернулся на одних задних ногах, бело сверкнул набитой в промежненье пенной, пошел рысью, сбиваясь с ноги, переходя на намет.

Подводы двигались медленно. Быки лениво мотали хвостами, отгоняли гудящих слепней. Стояла такая жара, так душен и сперт был предгрозовый воздух, что сбочь дороги сворачивались и блекли молодые листки невысоких подсолнухов.

Прохор снова ехал рядом с обозом. Его поражало большое количество молодых казаков. Они или отбились от своих сотен, или просто дезертировали, пристали к семьям и вместе с ними ехали к переправе. Некоторые, привязав к повозкам строевых лошадей, лежали на

арбах, переговариваясь с бабами, нянча детишек, другие ехали ведрами, не снимая ни винтовок, ни шашек. «Побросали часть и бегут», — решил Прохор, поглядывая на казаков.

Пахло конским и бычьим потом, нагретым деревом бричек, домашней утварью, коломазью. Быки шли понуро, тяжело нося боками. С высунутых языков их, до самой придорожной пыли свисали узорчатые нити слюны. Обоз двигался со скоростью четырех-пяти верст в час. Подводы с лошадными упряжками не перегоняли быков. Но едва лишь где-то далеко на юге него разостался орудийный выстрел, как все пришло в движение: измешав порядок из длинной вереницы подвод с'ехали в стороны пароконные и одноконные повозки, запряженные лошадьми. Они поскакали рысью, замелькали кнуты, слышалось разноголосое «Но, поди!» «Но-о-о, чортовые сыны!» «Трогай!» По бычьим спинам тулко зашлепали хвостины и арапники, живее загремели колеса. В страхе все ускорило движение. Тяжелыми серыми лохмами поднялась от дороги жаркая пыль и поплыла назад, клубясь, оседая на стеблях хлебов и разнотравья.

Маштаковатый конишко Прохора на ходу тянулся к траве, срывая губами то ветку донника, то желтый венчик сурепки, то кустик горчука; срывал и ел, двигая сторожкими ушами, стараясь выкинуть языком гремящие натершие десна удила. Но после орудийного выстрела Прохор толкнул его каблуками и конишко, словно понимая, что теперь не время кормиться, охотно перешел на тряскую рысь.

Орудийная кононада разрасталась. Садкие, бухающие звуки выстрелов сливались, в душном воздухе колеблющейся октавой стоял раскатистый громовитый гул.

— Господи Исусе! — крестилась на арбе молодая баба, вырывая изо рта ребеночка коричнево-розовый блестящий от молока сосок, запихивая в рубаху тугую, желтоватую, кормящую грудь.

— Наши бьют, али кто? Эй, служивый! — крикнул Прохору шагавший сбочь быков старик.

— Красные, дед! У наших снарядов нету!

— Ну, спаси их царица небесная! — старик выпустил из рук нальгач, снял старенькую казачью фуражку, крестясь на ходу, повернулся на восток лицом.

На юге из-за гребня, поросшего стрельчатыми всходами поздней кукрузы, показалось жидковатое черное облако. Оно заняло полгоризонта, мгlistым покровом задернуло небо.

— Большой пожар, глядите! — крикнул кто-то с подводы.

— Што бы это могло быть?

— Где горит? — сквозь дребезжащий гул колес зазвучали голоса.

— По Чиру.

— Красные хутора по Чиру жгут!

— Сушь, не приведи господь...

— Гляди, какая туча черная занялась!

— Это не один хутор горит!

— Вниз по Чиру от Каргиновской полышет, там ить бой зараз...

— А может, и по Черной речке? Погоняй, Иван!

— Ох и горит!..

Черная мга простиралась вширь, занимала все большее пространство. Все сильнее становился орудийный рев. А через полчаса на Гетманский шлях южный ветерок принес прогорклый и тревожный запах гари с пожарища, бушевавшего в 35 верстах от шляха по чирским хуторам.

(Продолжение следует)

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
МИХ. ШОЛОХОВ—Тихий дон (продолжение)	8
Я. ШВЕДОВ—Поиски отечества (продолжение)	22
А. РУТЬКО—На краю. <i>Рассказ</i>	56
ГРИГОРИЙ ДАЛЬНИЙ—Срок (продолжение)	63
 ЖИЗНЬ НА ХОДУ	
Л. ЛУХМАНОВ—Гибель „жемчужины“	94
М. ЮРИН—День в шахте.	103
 ПЕРЕЖИТОЕ	
ЗИНАИДА РИХТЕР—Поход ОСЕВЭКА	115
 ПУБЛИЦИСТИКА	
Д. ЗАСЛАВСКИЙ—Капитализм и бандитизм	149
 КРИТИКА	
М. ЧАРНЫЙ—„Романтики“ и революция	164
 БИБЛИОГРАФИЯ	
Н. ПЛИСКО—„Литературное наследство“ кн. I и II	186
М. РИТМАН—Сборник „Строители новой жизни“	191
А. КОРТУНОВА—Г. Коцюба—„Бронзовые люди“	192
М. КОТОВ—Сборник стихов „Переключка“	193

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1932 год
НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

О К Т Я Б Р Ъ

ГОД ИЗДАНИЯ 7-й

12 № в год

ОКТАБРЬ группирует вокруг себя пролетарских писателей, растущий литературный молодец и близких революции писателей советской интеллигенции.

ОКТАБРЬ печатает лучшие произведения пролетарской литературы, освещает важнейшие явления политической и культурной жизни страны, ведет борьбу за гегемонию пролетарской литературы.

В 1932 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ:

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

1. А. СЕРАФИМОВИЧ—„Борьба“, роман	14. Я. ШВЕДОВ—„Понски отчества“, повесть
2. Ф. ПАНФЕРОВ—„Бруски“, кн. 3-я	15. В. ГАЛИН—„Литье“, роман
3. А. ИСБАХ—„Кадры“, роман	16. Я. ИЛЬИН—„Большой конвейер“, роман
4. М. ШОЛОХОВ—„Тихий Дон“, кн. 3-я	17. А. ЧЕРНЕНКО—„Моряна“, роман
5. В. СТАВСКИЙ—„Стаица“, кн. 3-я	18. И. ЖИГА—„Доббасс“, очерки
6. БАБЕЛЬ—Рассказы	19. А. КАРАВАЕВА—„Баба и яблоко“, повесть
7. Б. ЯСЕНСКИЙ—„Таджикистан“, очерки	20. В. ИЛЬЕНКОВ—Рассказ
8. М. ПЛАТОШКИН—„Развернутым фронтом“, роман	21. З. РИХТЕР—„Поход Осевька“, очерки
9. БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ—Пьеса и рассказы писателя	22. Л. ОВАЛОВ—Роман
10. В. ГОРБАТОВ—„Горный поход“, пов. и роман „Жагда“	23. В. БАХМЕТЬЕВ—Рассказ
11. Л. ЛЕОНОВ—Повесть	24. Г. КИШ—Очерки
12. В. ДУБРОВИН—„Конец Самодуровки“, кн. 2-я	25. М. ЭГАРТ—„Опаленная земля“, роман
13. А. МИТРОФАНОВ—„Северянка“, роман	26. Еф. ПОЛОНСКИЙ—„Баку“, кн. 2-я
	27. С. МСТИСЛАВСКИЙ—„Партизцы“, роман
	28. В. ЛУГОВСКОЙ—„Большевики пустыни „Лесны“ — книга стихов

СТИХИ, ОЧЕРКИ, ФЕЛЬЕТНЫ, МЕМУАРЫ, СТАТЬИ, РЕЦЕНЗИИ

В отделах: 1) ЖИЗНЬ НА ХОДУ, 2) ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ, 3) ПЕРЕЖИТОЕ, 4) ПУБЛИЦИСТИКА, 5) СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО, 6) КРИТИКА, 7) БИБЛИОГРАФИЯ.

Журнал рассчитан на партийный и комсомольский актив, рабочих ударников, учащихся, широкие писательские слои и литкружковцев.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—12 р., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—3 р.
Отдельный номер—1 р. 10 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми отделениями и магазинами. Книгообъединения, его уполномоченными и всюду на почте